

Е. А. Салиас

Аракчеевский подкидыш

Исторический роман

Евгений Андреевич Салиас. Аракчеевский сынок; Аракчеевский подкидыш.-- СПб: "Печатный Двор", 1993.

[OCR Бычков М. Н.](#)

I

Были последние числа октября. По большой дороге, недалеко от реки Волхова, двигался тихо дорожный экипаж. Зима еще не наступила, санного пути еще не было, но вся окрестность, освещенная полумесяцем, белелась сплошь покрытая тонким слоем снега, и только дорога черной полосой расчеркнула по полям пустынную белую равнину. Карета, запряженная четверкой "вольных" лошадей, могла бы двигаться гораздо скорей, так как дорога была отличная, но ямщик постоянно сдерживал и оглядывался. Ему было строго приказано не уезжать далеко от ехавших сзади двух бричек.

В карете сидел Шумский и рядом с ним Авдотья Лукьяновна. Они ехали из Петербурга в Гр_у_зино и теперь были от него верстах в трех. Шумский сильно похудел, побледнел, но, кроме того, в лице его совершилась какая-то странная перемена, которая бросалась в глаза. Взгляд, всегда упорный и пронизательный, вспыхивавший зачастую ярким огнем, теперь был совершенно иной. Взор как-то потух, уже не горел по-прежнему, но стал еще более жесткий. В нем не было прежней открытой смелости и беззаботной дерзости, а было лишь что-то сдержанно злое. На все лицо легла какая-то тень озлобления. Он даже держался иначе, сидел и двигался несколько сгорбившись, несколько поникнув головой.

По всей фигуре Шумского можно было догадаться, что над ним разразился такой удар, от которого большинство людей не оправляются, который можно пережить физически, но трудно пережить нравственно. Его мать изменилась тоже.

Ряд бессонных ночей, душевные муки и раскаяние в опрометчивом шаге, погубившем ее "божество" -- все пережитое женщиной за это время от всех ее бесед с сыном, наконец, принятое им роковое решение,-- все это подействовало на нее так сильно, что природа, хотя и крепкая, все-таки сдалась. Авдотья постарела сразу лет на десять. Еще недавно в голове ее лишь кое-где блестел седой волос, теперь же виски совершенно побелели, а на лбу легли две глубокие морщины.

Всю дорогу мать и сын ни о чем не говорили. Еще в Петербурге Авдотья Лукьяновна много раз принималась умолять Шумского не губить себя, не предпринимать никакого рокового шага, не терять своего положения, но он только печально улыбался и отворачивался. Женщина видела, что никакие силы в мире не заставят его изменить злобно принятого решения по отношению к мнимым родителям.

Теперь, уже приближаясь к Гр_у_зину, они молчали и за последнюю станцию в карете не было произнесено ни единого слова. Наконец, недалеко показались кое-где огоньки, а путь преградила вдруг река, темневшая среди ровных, отлогих берегов, частью покрытых мелкоколесьем.

-- Вот и приехали,-- тихо проговорил Шумский как бы сам себе и слегка взволнованным голосом.-- Может в последний раз.

Авдотья вздохнула и ничего не ответила, но через несколько минут украдкой достала платок и стала сморкаться.

-- Ты опять плакать,-- выговорил Шумский.-- Удивительный народ, бабы, то есть женщины. Как это вы можете реветь без конца все из-за одного и того же предмета. Ну, поплакала, обмочила слезами какой предмет со всех сторон. Ну, и довольно. А как же без конца-то?..

Очевидно молодой человек хотел пошутить, но голос его был грустный и хриплый.

-- Михаил Андреевич, голубчик, Мишенька,-- заговорила Авдотья.-- Еще время одуматься. Не губи себя! Повидайся и уезжай опять в Питер. Ведь не уйдет. Всегда можешь с ними перетолковать. А ну как потом сам раскаешься.

-- Матушка,-- угрюмо и сурово отозвался Шуйский,-- ведь я от тебя эти самые слова несколько сот раз слышал, а может и тысячу. Что же ты все повторяешь одно и то же. Сто раз ты всякими святыми угодниками мне божилась даже не начинать снова этого разговора. И никуда твоя божба не привела. Лучше погляди, за нами ли брички.